

Глава 18. Просвещение

Под лучами заходящего солнца Цю Хуанянь и Ду Юньсэ въехали в деревню семьи Ду. Их повозку тянул собственный, недавно купленный мул.

Они как раз успели к тому времени, когда селяне, закончив работу в полях, возвращались домой. Огромное, крепко сбитое серо-пегое животное у въезда в деревню немедленно привлекло всеобщее внимание. Теперь даже те, кто ещё не слышал о покупке, были в курсе.

— Братец Хуа, это вы мула купили? — раздался голос из толпы. — Вот это животное! Такой здоровяк, поди, лянов семь-восемь серебром стоит, не меньше.

Цю Хуанянь улыбнулся в ответ:

— Тётушка Чжуан, мы сегодня с Юньсэ в город ездили и купили. В этом году, если нужно будет землю вспахать, обращайтесь, не стесняйтесь.

Госпожа Чжуан была их соседкой. Её муж давно умер, единственная дочь вышла замуж и уехала, и теперь женщина жила одна. Когда она ходила в горы за дикими овощами, то часто брала с собой Цзюцзю и Чуньшэна.

— Хорошо, хорошо, — на самом деле у госпожи Чжуан осталось всего два му засушливой земли, которые она, хоть и с трудом, могла обработать сама. Но от такого лестного предложения, конечно, не стоило отказываться.

После того как Ду Юньсэ с почётом вернулся в деревню в сопровождении друга-офицера, а Цю Хуанянь становился всё более умелым и предприимчивым, жизнь их семьи налаживалась на глазах. Дружба с ними стала предметом зависти для всей округи.

Ху Цюянь всего-то и делала, что присматривала за детьми братца Хуа, а взамен получала торговые ириски, которых было не сосчитать. Кто в деревне не завидовал такому везению!

Госпожа Чжао, ведя за руку своего младшего сына Фубао, прошла мимо. Она смерила недовольным взглядом серо-пегого мула и доверху гружённую повозку и, не ответив на приветствия односельчан, последовала дальше.

«И что с того, что мула купили? — злобно подумала женщина. — Мой Юньцзин в этом году станет сюцаем, а Ду Юньсэ даже на экзамены пойти не может. Что может этот альфонс противопоставить моему сыну!»

Их старшая невестка, Вэй Люхуа, с коромыслом на плечах, улыбнулась окружающим и поспешила догнать свекровь. Увидев, что семья братца Хуа уже обзавелась скотиной, она ещё больше укрепилась в мысли, что следовать за ним — верное решение.

«Нужно как можно скорее найти возможность съездить к родне, — решила она, — и уладить дело со свёклой»

Перед отъездом Цю Хуанянь оставил Цзюцзю ключ, чтобы дети могли войти в дом, если им что-то понадобится. Подойдя к воротам, он с удивлением заметил, что они приоткрыты, а изнутри доносятся голоса. Войдя, он увидел, что Цзюцзю и Чуньшэн уже вернулись, а во дворе на верёвках сушатся постиранные чехлы от одеял.

— Тётушка Цюянь утром ходила к реке стирать, мы взяли их и пошли с ней, — объяснили дети.

Ткань привели в порядок ещё утром, и за день она почти высохла.

— Цзюцзю и Чуньшэн такие молодцы! — Цю Хуанянь не ожидал от малышей такого сюрприза.

— Мы уже выросли и можем помогать братцу Хуа! — гордо выпятил грудь Чуньшэн.

Цзюцзю тоже тихо добавила:

— Тебе больше не нужно отводить нас к тётушке Цюянь. В деревне девочки моего возраста уже считаются работницами. Цуньлань из дома главы клана каждый день помогает семье с шитьём!

Цю Хуанянь с улыбкой погладил по головам обоих крох, чувствуя, как дневная усталость улетучивается без следа.

Пока не стемнело, он достал мягкие и пышные новые основы для одеял и разложил их на чистых чехлах. На каждое изделие шло по два полотна ткани: верхнее чуть меньше, нижнее — больше. Края последнего заворачивались и пришивались к верхнему, образуя единое целое.

Цю Хуанянь сделал всего несколько стежков, когда Цзюцзю, не в силах больше на это смотреть, отобрала у него иголку с ниткой.

— Братец Хуа, давай лучше я.

Братец Хуа умел всё на свете, вот только шитьё его было просто ужасным. Он не брал в руки иголку много лет, и теперь стежки плясали вкривь и вкось, напоминая след сороконожки.

Юноше оставалось лишь беспомощно наблюдать, как девочка умело орудует иглой, быстро сшивая все восемь комплектов постельного белья. В его душе пронеслось бесчисленное множество плачущих котиков-эмодзи.

Шитьё было одним из немногих бытовых навыков, которые он не освоил в прошлой жизни.

Зачем, если была швейная машинка? Даже если изредка что-то и нужно было подшить, он не делал это вручную. Теперь же, в древности, он оказался в полном тупике.

Зато Цзюцзю была очень рада, что наконец-то нашла дело, в котором могла быть по-настоящему полезной.

Этой ночью, лёжа на мягких матрасах и укрывшись лёгким, но тёплым ватным одеялом, Цю Хуанянь впервые за долгое время спал с комфортом. С момента его перемещения жизнь с каждым днём становилась всё лучше.

***

На следующее утро Цю Хуанянь приготовил большую партию сорговых ирисок. Затем, вместе с Ду Юньсэ, они долго возились во дворе, сооружая навес из соломы для мула и повозки. Пустой и некогда унылый двор постепенно преображался.

У Цзюцзю и Чуньшэна, помимо сбора ивовых листьев, появилось новое задание — косить свежую траву для животного.

Теперь не нужно было выезжать на рассвете. Пообедав, Цю Хуанянь неспешно отправился на своей повозке в город продавать сладости. Мэн Юаньлин, которого он не видел два дня, тут же подскочил к нему.

— Братец Хуа, я слышал, твой муж вернулся?

Щёки Цю Хуаняня вспыхнули. После личной встречи с Ду Юньсэ эти два слова били по нему ещё сильнее. К смущению примешалось множество других, неясных чувств.

— К чему ты об этом спрашиваешь? — попытался он сменить тему.

— Любопытно! — с невинным видом ответил Мэн Юаньлин. — Моя тётушка расхваливала его так, будто он сокровище небесное. И Юньчэн тоже им восхищается, только и говорит «брат Юньсэ» да «брат Юньсэ».

— Хм, Юньчэн им восхищается, а тебе-то что до этого? Уж больно ты, двоюродный брат, обо всём печёшься, — в шутку поддел его Цю Хуанянь.

— Ах! Что ты такое говоришь! — Мэн Юаньлин смущённо топнул ногой, и его милое круглое личико надулось.

Теперь уже он поспешил сменить тему:

— Ты этого мула в уездном городе покупал? Там, наверное, так интересно? Жаль, мне слишком далеко, не съездить.

— С чего это ты вдруг в уездный город захотел?

— Да просто так, погулять, — ответил Мэн Юаньлин, помогая Цю Хуаняню завести повозку на задний двор лавки. — Заходи скорее, начинай торговлю. Тебя два дня не было, несколько постоянных покупателей уже спрашивали.

Цю Хуанянь привычно принялся продавать ириски. Сейчас их продажи вышли на стабильный уровень — около ста штук в день. Хотя за месяц и набегало около трёх лянов серебра, для хорошей еды, новой одежды, учёбы и постройки дома этого было явно недостаточно.

Цю Хуанянь уже разузнал: чтобы построить на их участке приличный дом из кирпича и черепицы, потребуется не меньше пятнадцати лянов серебра. Он не хотел зимовать в соломенной хижине. До наступления зимы нужно было во что бы то ни стало разобраться с жильём: построить надёжное здание и обустроить кухню внутри.

Чтобы заработать больше, нужно было либо искать новые пути, либо расширять сбыт уже имеющегося товара.

Первое ограничивалось реальными факторами: доступностью сырья, покупательной способностью рынка, отсутствием связей. Навскидку ничего хорошего в голову не приходило. Но и второе было непросто.

Что касается рисования, то в ближайшее время не предвиделось праздников вроде Цинмина, которые могли бы принести быстрый доход. Цю Хуанянь спрашивал у Ван Чэна, и тот сказал, что следующая возможность представится, скорее всего, только осенью, на праздник Чжунъюань.

Рынок сбыта сладостей в городке Цинфу был уже освоен. Другие места...

Пока Цю Хуанянь размышлял, он увидел, как второй брат Мэн Юаньлина, Мэн Удун, возвращается с доставки тофу на повозке, и в его глазах блеснула идея.

— Брат Удун, я хотел у тебя кое-что спросить.

Мэн Удун взял у Мэн Юаньлина полотенце и вытер пот.

— Братец Хуа, говори.

За это время Цю Хуанянь успел хорошо познакомиться со всей семьёй Мэн.

— В какие места чаще всего заказывают тофу из вашей лавки?

Тот, не задумываясь, ответил:

— Люди из восьми деревень, что вокруг Цинфу, закупаются у нас для больших застолий. Ещё несколько деревень из соседнего городка, что поближе, тоже у нас заказывают. Кроме того, есть и те, кто разбогател и переехал в город, но всё равно скучает по нашему тофу.

Лавка семьи Мэн существовала уже три поколения и обзавелась множеством постоянных клиентов. Мэн Удун то и дело отвозил заказы, принося делу хороший доход.

— А ты не хотел бы заодно с доставкой тофу продавать и сорговые ириски?

Когда Цю Хуанянь жил в деревне семьи Ду, некоторые зажиточные односельчане сами подходили к нему, чтобы купить сладостей для детей. В день продавалось около десяти штук — немного, но если охватить больше мест, сумма могла получиться приличной.

— Братец Хуа, ты имеешь в виду... — Мэн Удун был сообразительнее своего старшего брата и быстро уловил суть. — Хочу, как же не хочу! Всё равно домашняя повозка без дела стоит, кроме меня, ею никто не пользуется. Даже если не будет заказов на тофу, я смогу ездить по деревням, да и на ярмарку в соседний городок заглянуть.

В некоторые поселения было трудно добраться, а в других неохотно имели дело с чужаками, но для Мэн Удуна это не было проблемой — он давно изучил все окрестности. Чем больше он думал, тем больше ему нравилась эта затея. Он нетерпеливо спросил:

— Братец Хуа, расскажи, как именно продавать?

Мэн Юаньлин с отвращением выхватил у него из рук полотенце, которым тот размахивал.

— Второй брат, веди себя прилично, что ты как маленький.

Мэн Удун улыбнулся младшему брату, но ничего не объяснил. Последние два года он и впрямь был немного нетерпелив. Ему уже перевалило за двадцать, а он до сих пор не был помолвлен и не имел собственного дела.

Семейную лавку родители явно собирались передать старшему брату. Хотя они и были родными, но старший уже женился, и когда у него появятся дети, раздел имущества станет неизбежен. Удун не мог вечно сидеть в лавке нахлебником, подрабатывая лишь доставкой. Несколько свах уже приходили, но молодой человек всем отказал. У него были свои соображения: если сначала не встать на ноги, то и в женитьбе нет никакого смысла.

Цю Хуанянь, видя готовность собеседника, с улыбкой кивнул. Он выбрал его для сотрудничества, ценя его знакомство с округой, а также живой ум и предприимчивость.

— Схема проста. Ты забираешь у меня товар за полцены, а за пределами города продаёшь по одному вэню за штуку. Сколько ты продашь и как именно — меня не касается. Товар и деньги — сразу при получении.

Это выглядело как большая уступка, но зато эти дополнительные ириски Цю Хуанянь мог сделать и сразу получить за них плату, не тратя силы на розницу. Щедрая доля прибыли должна была мотивировать Мэн Удуна искать всевозможные способы расширения сбыта.

Цю Хуанянь не сомневался в смекалке здешних жителей и надеялся на приятный сюрприз в будущем. Но даже если его и не будет, он ничего не терял.

Мэн Юаньлин, видя воодушевление брата, радовался за него. Помолчав, он подпёр подбородок рукой и вздохнул:

— Может, и мне стоит подумать, как заработать денег?

Цю Хуанянь взглянул на него:

— А с тобой что случилось?

— Ты такой умелый в делах. Мы оба гээр, и отношения у нас хорошие. Если я буду хуже тебя, боюсь, когда выйду замуж, семья мужа будет меня презирать.

Цю Хуанянь посмотрел на всё ещё по-детски пухлое лицо Мэн Юаньлина. Было странно слышать от пятнадцатилетнего юноши рассуждения о замужестве, хотя ему самому было всего семнадцать.

— Ты пока лучше помогай семье продавать тофу, не торопись. Даже если и зарабатывать, то в первую очередь для себя, а не для того, чтобы кто-то другой тебя уважал.

Цю Хуаняню казалось, что у друга появилась какая-то тайная забота, но пока он не мог понять, в чём дело.

В такую погоду ириски могли храниться до семи дней. Мэн Удун на свои сбережения взял у Цю Хуаняня двести штук и распродал их всего за два дня.

В главном доме деревни Ду прибрались, поставили несколько отремонтированных Цю Хуанянем столиков. Ду Юньсэ каждый день занимался здесь чтением и заодно учил детей грамоте. Открывать частную школу он не планировал, но семья Ху Цюянь так им помогала, что он позвал и её сына, Юнькана, заниматься вместе со всеми бесплатно.

Ху Цюянь была на седьмом небе от счастья и то и дело приносила им рыбу. Отношения между двумя семьями становились всё теплее.

Однажды вечером Цю Хуанянь вымыл голову и вытирал волосы полотенцем, когда услышал тихий стук в ворота. Открыв, он увидел старшего сына Ду Баоцюаня, Юньху, и его жену, Вэй Люхуа. У их ног стояло несколько больших мешков.

<http://bllate.org/book/15363/1372832>